

ЛЕА ВЕТРОВА

РАЗВОД.
БОЛЬШЕ НЕ ТАЙНАЯ
ЖЕНА
ШЕЙХА

Лея Ветрова

**Развод. Больше не
тайная жена шейха**

«Автор»

2026

Ветрова Л.

Развод. Больше не тайная жена шейха / Л. Ветрова — «Автор», 2026

— Папа теперь женится по-настоящему? — спрашивает моя семилетняя дочь, глядя, как её отец объявляет о помолвке с другой женщиной. Семь лет я была законной женой шейха Рашида — тайной, которую нельзя показать прессе. Растила нашу дочь в Москве, спасала чужих детей в операционной и соглашалась на каждое его «так безопаснее». А в день рождения Миры весь мир узнал: будущий эмир выбрал себе новую невесту. — Я не спал с ней. Будет официальный брак. Всё остальное останется как прежде. — Нет, Рашид. Я подаю на развод. Муж уверен, что может сохранить и трон, и семью, которую прятал от собственной страны. Только я больше не стану женщиной для служебного входа. И теперь ему придётся решить, чем он готов пожертвовать: будущей властью или последним шансом вернуть жену и дочь. Однотомник. ХЭ. Без физической измены. Развод состоится.

Содержание

Глава 1. Папа женится по-настоящему	5
Глава 2. Женщина, которую он любит	11
Глава 3. Первая только по документам	18
Глава 4. Дочь шейха не плачет	24
Глава 5. Сколько стоит молчание жены	31
Глава 6. Развод в двух странах	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лея Ветрова

Развод. Больше не тайная жена шейха

Глава 1. Папа женится по-настоящему

— Он придёт, когда свечи зажигать будем?

Мира стоит на коленях посреди кухни и с подозрением разглядывает торт, будто это он виноват, что её отец опять задерживается. На белой глазури лежат семь малиновых сердец — по одному на каждый год, — а между ними Ольга втиснула маленькую золотую корону. Не потому, что моя дочь обожает принцесс. Просто нормальных свечей в ближайшем магазине не оказалось, зато корон, единорогов и футбольных мячей было столько, словно другие дети рождаются исключительно в королевских семьях или на стадионах.

— Он обещал, — отвечаю я и поправляю бумажную ленту на коробке с подарком.

Обещал Рашид ещё утром. Потом днём. Потом за двадцать минут до начала праздника, когда прислал голосовое из машины: шум улицы, чужие голоса, его спокойное «я помню, хабибти» и короткая пауза перед «постараюсь освободиться».

В переводе с языка моего мужа «постараюсь» давно означает «не жди». Но Мира пока продолжает верить словам буквально.

— А если не придёт?

— Тогда позвонит.

— По видео?

— По видео.

Она удовлетворённо кивает, подхватывает с пола сползший воздушный шар и возвращается в комнату. Из-за двери доносится визг — кто-то из гостей нашёл пульт от игрушечного вертолёта. Судя по грохоту, вертолёт уже встретился с потолком, люстрой и, возможно, с головой Игоря Павловича из квартиры снизу.

Ольга ждёт, пока Мира отойдёт подальше, и только после этого ставит нож рядом с тортом.

— Он точно знает, что у ребёнка сегодня день рождения?

— В прошлом году знал.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Она смотрит на меня поверх очков. В суде таким взглядом Ольга заставляет взрослых мужчин забывать заранее выученные показания, но на нашей кухне он действует слабее. Возможно, из-за розового колпака, который Мира вынудила её надеть, а потом запретила снимать до окончания праздника.

— Лад, ты опять его прикрываешь.

— Я констатирую. В прошлом году он приехал.

— В прошлом году он прислал самолёт.

— А потом приехал.

— Через два дня.

Я тянусь за тарелками, хотя они уже стоят на столешнице аккуратной стопкой. Семь с коронами для детей, две белые для нас. Десятую я достала утром и весь день переставляла с места на место. Сейчас она лежит в верхнем шкафу, куда я убрала её за пять минут до прихода гостей.

— Оль, давай не сегодня.

Она снимает очки, протирает их краем футболки и тихо вздыхает.

— Давай. Только когда он всё-таки позвонит, не уходи с телефоном в ванную. У тебя после таких разговоров лицо, будто ты там не с мужем беседовала, а выдавливала пасту из пустого тюбика.

— Очень романтическое сравнение.

— Зато точное.

В комнату влетает Мира, за ней — Лёша с вертолётom без одной лопасти. Начинается разбирательство, кто первый нажал красную кнопку и почему на красной кнопке не написано, что после неё игрушка летит в стену. До мужа снова никому нет дела. Даже мне удаётся почти не смотреть на телефон.

Почти.

К восьми родители разбирают детей, прихожая освобождается от чужих ботинок, а квартира сразу становится слишком тихой. На полу остаются лопнувший шар, конфетти и растоптанная половинка тарталетки. Мира сидит во главе стола, всё ещё в блестящей короне, и не решает зажигать свечи.

— Ему же видно будет?

Она ставит перед собой планшет. Экран тёмный, в углу отражается люстра и наша кухня — небольшая, тёплая, с гирляндой над окном и пустым стулом справа от Миры.

— Будет, — говорю я.

Восемь ноль семь.

В Аль-Нуре сейчас столько же. Рашид не мог перепутать часовые пояса, не застрял на совещании посреди ночи и не спит после перелёта. У него просто происходит что-то важнее семилетия дочери.

Ольга бесшумно снимает колпак, проводит ладонью по примятым волосам и берёт зажим.

— Подождём ещё пять минут.

— Десять, — торгуется Мира.

— Семь. В честь семилетия.

Планшет издаёт короткий звук. Мира вскидывается так резко, что корона съезжает ей на ухо.

— Папа!

Она хватается устройством обеими руками, но вместо значка видеозвонка на экране появляется новостное уведомление. Арабские буквы Мира читает медленнее русских, поэтому жмёт на картинку, не разбирая заголовка. Наверное, узнаёт отца. Я тоже узнаю — ещё до того, как трансляция разворачивается на весь экран.

Рашид стоит на верхней ступени дворцовой лестницы. На нём белая кандура и тёмный церемониальный бишт с золотой вышивкой по краю. Волосы зачёсаны назад, лицо кажется строже обычного, но это из-за света: десятки вспышек выхватывают скулы, оставляя глаза в тени. Лево́й рукой он придерживает полу плаща, и на запястье блестит запонка из чёрного оникса.

Мой подарок.

Я выбирала эти запонки четыре года назад в Вене и смеялась, что теперь у него будет хотя бы одна вещь без семейного герба. Рашид ответил, что всё, чего касается жена, и так принадлежит его семье.

Тогда мне это понравилось.

Рядом с ним стоит женщина в длинном зелёном платье. Без покрытой головы, с гладко собранными волосами и серьгами, которые касаются шеи, когда она поворачивается к журналистам. Я знаю, кто она. Наилу аль-Рашван невозможно не знать, если семь лет прожила рядом с человеком, чья семья измеряет подходящих женщин не возрастом и характером, а количеством фамилий в родословной.

— Мам, а что там? — Мира делает громче.

Голос диктора заполняет кухню. Я слышу слова по отдельности: совет, союз, дом аль-Хамдани, радость. Они не складываются в предложение, пока Наила не поднимает руку.

На безымянном пальце у неё кольцо.

Камень большой, светлый, неуместно тяжёлый для такой тонкой кисти.

Рашид поворачивается к ней. Не касается, только смотрит и произносит несколько фраз в микрофон. Благодарит семьи. Говорит о доверии. О будущем Аль-Нура. О помолвке, которая станет началом нового периода.

О нашей дочери он сегодня не сказал ни слова.

— Папа женится? — спрашивает Мира.

Я протягиваю руку к планшету, но она прижимает его к груди.

— Подожди. Я не слышу.

— Мир, отдай.

— Это папа!

На экране Наила улыбается журналистам. Рашид немного отступает, пропуская вперёд её отца. Всё происходит спокойно, достойно и настолько правильно, что меня начинает мутить.

— Вы же уже женатые, — говорит Мира.

Ольга опускает зажигалку на стол. Пластмасса ударяется о дерево негромко, но я вздрагиваю.

— Отдай планшет, пожалуйста.

Дочь наконец протягивает его мне. Я закрываю трансляцию, затем зачем-то стираю уведомление, словно можно убрать пальцем и лестницу, и зелёное платье, и кольцо на чужой руке.

— Это по работе? — Мира смотрит на меня снизу вверх. — Как когда он с тётей Сафией открывал больницу?

— Нет.

Слово выходит раньше, чем я успеваю придумать что-нибудь безопасное.

Она трогает одну из свечей на торте. Корона окончательно сползает и падает на стол, но Мира не поправляет.

— А кто она?

— Её зовут Наила.

— Она его невеста?

Я сажусь рядом. Ноги почему-то перестали держать, хотя я всё ещё прекрасно чувствую каждую мелочь: тесный пояс платья, липкое пятно под локтем, запах погасшей на кухне свечи. Вот только свечи мы не зажигали.

Телефон начинает звонить.

На экране появляется имя Рашида.

Он не забыл.

Просто сначала закончил объявлять о своей свадьбе.

— Оль, побудь с ней.

Ольга молча встаёт и обходит стол. Я беру телефон и ухожу в спальню, но дверь не закрываю. Мира не должна видеть мой разговор украдкой, как что-то постыдное. Постыдного сегодня и без меня достаточно.

— Да.

Несколько секунд Рашид ничего не говорит. На заднем плане хлопают двери, кто-то обращается к нему по-арабски, затем шум резко обрывается. Наверное, он вошёл в машину.

— Ты видела.

Не вопрос.

Я сажусь на край кровати. На комод стоит наша фотография, единственная, которую можно держать на виду. Мы сняты со спины: набережная, тёмная вода, его рука у меня на

талии. Если посторонний увидит, лица всё равно не различит. Очень удобная семейная фотография. Никому не вредит.

— Мира видела.

Он коротко выдыхает.

— Лада...

— Она ждала твоего звонка.

— Я собирался позвонить сразу после заявления.

— Очень хорошо. Успел бы лично сообщить дочери, что у неё появится новая мама.

— Не говори глупостей.

Голос становится жёстче. Не громче — Рашид почти никогда не повышает голос. Людям и без того хватает его интонации, чтобы начать исправляться.

— Наила не имеет отношения к Мире. И к тому, что существует между нами.

— Она всего лишь твоя невеста.

— Это соглашение между семьями.

— Кольцо тоже между семьями? А надевали его на совещании?

— Ты сейчас злишься и не хочешь меня услышать.

— Я прекрасно тебя слышу. Даже лучше, чем хотелось бы.

Он снова замолкает. Я представляю, как Рашид проводит большим пальцем по нижней губе. Делает так, когда собеседник вынуждает объяснять очевидное.

— Мой отец получил поддержку совета, — говорит он наконец. — Без союза с аль-Рашван переход власти окажется под угрозой. Ты знала, что этот вопрос обсуждается.

— Я знала, что твоему отцу нужна их поддержка. О том, что в комплекте идёт жена, ты не упоминал.

— Потому что окончательное решение приняли три дня назад.

Три дня.

Вчера он звонил мне из кабинета, спрашивал, забрала ли я торт, и смеялся, когда Мира потребовала настоящего пони. Позавчера прислал фотографию рассвета над пустыней. Три дня Рашид носил мою запонку и знал, что наденет другой женщине кольцо.

— И за три дня у тебя не нашлось пяти минут?

— Такой разговор не ведут по телефону.

— Зато помолвку по телефону смотреть можно.

— Я собирался прилететь завтра и всё объяснить.

— Ты всегда собираешься сказать мне правду завтра.

В дверях появляется Мира. Ольга стоит у неё за спиной, держит ладони на плечах, но дочь всё равно слышит. Я вижу это по лицу.

— Папа? — спрашивает она.

Рашид тоже слышит.

— Дай ей телефон.

— Нет.

— Лада, дай трубку дочери.

— Чтобы ты объяснил ей соглашение между семьями?

— Чтобы я поздравил её.

Мира прикусывает нижнюю губу и качает головой.

— Она не хочет.

— Ты спросила?

— Я вижу.

Дочь разворачивается и уходит в свою комнату. Не бежит, не хлопает дверью. Тащит за собой золотую корону, которую успела забрать со стола. Один зубец цепляется за косяк, картон рвётся. Мира смотрит на обрывок в руке, бросает его в коридоре и идёт дальше.

Ольга наклоняется, поднимает корону.

— Она ребёнок, — произносит Рашид. — Не вмешивай её в это.

У меня перед глазами на секунду темнеет.

— Это я вмешала?

— Я не это сказал.

— Ты объявил о свадьбе в её день рождения.

— Дату назначал не я.

— Кольцо Наиле тоже надевал не ты?

— Я не спал с ней.

Фраза звучит резко, почти зло. Будто это главный довод, после которого приличная жена обязана вытереть лицо, поправить волосы и поблагодарить мужа за верность.

— Какая удача.

— У меня нет с ней отношений. Будет официальный брак, необходимые мероприятия, возможно, отдельная резиденция. Всё остальное останется как прежде.

Всё остальное.

Квартира, в которую он приезжает без охраны и уезжает до рассвета. Праздники, которые мы переносим под его расписание. Дочь с русской фамилией, чтобы журналисты не заинтересовались. Я, законная жена на двух языках, которой запрещено поставить общую фотографию лицом к комнате.

— Как прежде не будет.

— Я позвоню, когда закончу здесь. Мы спокойно поговорим.

— Нет, Рашид.

Он не любит это слово. Раньше мне даже нравилось произносить его в постели и смотреть, как меняется его лицо. Забавная семейная привилегия — отказывать мужчине, которому почти никто не отказывает, пока речь не касается чего-то важного.

— Я подаю на развод.

В трубке становится так тихо, что я слышу собственное дыхание.

— Что ты сказала?

— Завтра Ольга подготовит документы.

Он произносит моё имя медленно, по слогам:

— Ла-да. Ты сейчас ничего не решаешь. Ты расстроена.

— Я семь лет ничего не решала. Можно считать, что накопилось.

— Не смей подавать никаких документов, пока мы не поговорили лично.

— Мы поговорили.

Я нажимаю отбой.

Мира засыпает после полуночи. Лежит ко мне спиной, укрывшись до ушей, хотя в комнате душно. Свечи мы всё-таки зажгли. Она загадала желание, но торт не съела и мне не сказала, чего попросила.

Перед сном задала только один вопрос:

— Папа теперь женится по-настоящему?

Я ответила, что пока он ни на ком не женился. Формально это правда. Отличный язык для разговора с семилетним ребёнком — аккуратный, как протокол осмотра, и совершенно бесполезный.

Когда её дыхание становится ровным, я выбираюсь из кровати и прикрываю дверь. Ольга всё ещё на кухне. Колпак она выбросила, волосы собрала в хвост, перед собой разложила салфетки и пишет на одной из них список документов.

— Свидетельство о браке у тебя?

— В банковской ячейке.

— Оригинал?

— Российское и аль-нурское.

Она кивает и дописывает ещё одну строчку.

— Брачный договор?

— Дома.

— Паспорт Миры?

— У меня.

— Второй?

Я не отвечаю.

Ольга откладывает ручку.

— Лада.

— Аль-нурский у Рашида. Они оформляли его через посольство.

— Когда?

— Два года назад.

— Ты подписывала согласие?

— Да. Он сказал, дочери понадобится гражданство, если с ним что-нибудь случится.

— Прекрасно. Даже не буду спрашивать, почему документ ребёнка хранится в другой стране.

— Потому что я дура.

— Нет. Потому что ты верила мужу. Это не одно и то же, хотя последствия бывают похожи.

Телефон лежит между нами экраном вниз. За последние три часа звонили начальник аппарата Рашида, его сестра Самира и два неизвестных номера с кодом Аль-Нура. Сам Рашид больше не звонил.

Я снимаю кольцо. Под ним остаётся светлая полоска и небольшая вмятина: за семь лет палец стал чуть толще. Кладу его рядом с салфеткой, на которой Ольга написала «заявление».

Экран вспыхивает.

Сообщение от Рашида короткое:

«Я буду в Москве утром. Ничего не предпринимай до моего приезда».

В конце нет вопросительного знака.

Разумеется.

Глава 2. Женщина, которую он любит

Рашид

Лада отключает связь раньше меня.

Телефон гаснет, и в стекле появляется моё отражение: церемониальный плащ, ворот белой кандуры, лицо человека, который только что объявил о помолвке и теперь сидит один на заднем сиденье машины.

Я набираю снова.

Вызов длится ровно столько, чтобы Лада успела увидеть и сбросить. Второй она даже не принимает. На третьем мне звонит отец.

Я отклоняю.

Юсуф, сидящий рядом с водителем, немного поворачивает голову. Он служит нашей семье почти двадцать лет и умеет выражать неодобрение движением затылка.

— Самолёт готов? — спрашиваю я.

— Экипаж предупредили. Вылет разрешён через час двадцать.

— Через сорок минут.

— Постараемся.

— Не старайтесь. Сделайте.

Он кивает и отправляет сообщение. За воротами мы почти сразу останавливаемся: дорогу перекрыли для кортежа аль-Рашван. Сегодня две семьи официально пообещали друг другу верность. Поэтому теперь половина города должна смотреть, как верность разъезжается по домам.

Телефон вибрирует. Отец. Затем помощник отца. Потом Наила.

Я открываю её сообщение.

«Ужин перенесли в малую резиденцию. Нас ждут через сорок минут».

Пишу, что улетаю.

Ответ приходит, когда машина снова набирает скорость:

«Она увидела?»

Наила не уточняет, о ком говорит. Она могла заметить три пропущенных звонка от Лады на моём экране. Я собирался перезвонить после камер. В тот момент это казалось допустимым.

«Да».

Несколько секунд под сообщением пульсируют три точки.

«Ты предупредил её заранее?»

Я убираю телефон.

На запястье всё ещё чёрный оникс. Вспоминаю венский магазин и Ладy, которая надела одну запонку себе на палец, как кольцо, и пообещала найти камням более благодарного мужчину, если я не оценю подарок.

Запонки я ношу четвёртый год.

Наверное, следовало надеть другие.

Во дворе резиденции уже ждёт секретарь отца — худой мужчина, которому дорогой костюм всегда немного велик.

— Его Высочество просит вас пройти в кабинет.

— Я переоденусь и уеду в аэропорт.

— Семья аль-Рашван прибудет через полчаса.

— Встретите их без меня.

Секретарь не отходит.

— Господин, шейх Халид сказал...

— Я слышал, что он сказал.

Приходится обойти его. Одежду готовили к событию три недели, кольцо Наилы — почти два месяца. Я узнал об окончательном решении три дня назад, но ни журналисты, ни перекрытие дорог за три дня не появляются.

Лада это поймёт.

Она знает, как принимаются решения в семье. Не раз видела, как соглашение составляют раньше, чем сообщают тем, кому предстоит его выполнять. Я не хотел говорить, пока мог отказаться.

Возможность исчезла три дня назад.

Я всё равно не сказал.

Отец входит в гардеробную, пока помощник снимает с меня бишт.

— Ты заставляешь гостей ждать.

— Они ещё не приехали.

— Поэтому у тебя есть время прийти в себя и вернуться.

Он опирается на трость, хотя на людях почти ею не пользуется. После операции врачи запретили долго стоять, но сегодня Халид провёл на лестнице больше часа. Сейчас бедро наверняка болит.

Помощник аккуратно складывает плащ. Отец ждёт, пока тот выйдет, и закрывает дверь.

— Русская звонила?

— Лада.

— Я помню её имя.

Он произносит это без раздражения. И без интереса.

— Она требует развода.

Отец смотрит на меня так, будто я сообщил о задержке самолёта.

— Не получит.

Я расстёгиваю запонки и кладу их в футляр. Ткань на манжетах влажная, хотя на лестнице работали огромные уличные кондиционеры.

— Наш брак зарегистрирован в России.

— И у нас. Ты сам настоял.

— Именно.

— Тогда ей придётся приехать сюда. К этому времени успокоится.

Он разворачивает футляр гербом вверх. Внутри — подарок Лады, на котором нет ни одной семейной отметки.

— Не вмешивайся.

— Я не вмешиваюсь. Исправляю то, что ты не предусмотрел.

— Моя жена не ошибка в соглашении.

— Тогда почему её нет на семейной лестнице?

Ответов несколько: безопасность Лады и Миры, неготовность совета, здоровье отца. За семь лет они отточились так, что можно произнести любой, не задумываясь.

Отец улыбается краем рта.

— Вот и я о том же.

— Я лечу в Москву.

— Ты останешься на ужин.

— Нет.

— Через месяц совет должен утвердить переход полномочий. Сегодня аль-Рашван впервые сели рядом с нами перед камерами, а ты собираешься ночью бежать к женщине, которая знала, за кого выходила замуж.

— Она знала, что выходит за меня.

— Это одно и то же.

Для него — да.

Для меня тоже было одно и то же, пока Лада не произнесла слово «развод».

Я снимаю кольцо с тонкой цепочки под одеждой и надеваю на палец. Отец следит за моими руками.

— Тебе тридцать восемь лет, Рашид. Не изображай мальчика, который женился против воли родителей.

— Я ничего не изображаю.

— Ты получил всё, чего хотел. Эту женщину, дочь, их безопасность. Теперь исполни то, что должен.

— Я исполнил. Помолвка объявлена.

Он прищуривается.

— Если сейчас улетишь, аль-Рашван сочтут это оскорблением Наилы.

— Наила переживёт.

— А твоя русская нет?

Я застёгиваю рубашку и беру пиджак у помощника.

— Её зовут Лада.

— В третий раз я запомню лучше.

Отец отходит, освобождая дверь.

— Забери девочку, — говорит он, прежде чем выйти. — Если жена хочет устраивать сцены, пусть устраивает одна.

Я не отвечаю.

После его ухода замечаю белую вмятину от футляра на ладони.

В самолёте я трижды прослушиваю голосовое сообщение Миры.

Она записала его утром. Шепчет, хотя на заднем плане гремит посуда и Лада просит не таскать малину с торта:

«Пап, ровно в восемь. Не в восемь один. Если опоздаешь, свечи не будут ждать, потому что им тоже спать пора».

После этого дочь хихикает и кричит куда-то в сторону:

«Мам, я не таскаю! Эта сама упала».

Я отправил ей изображение смеющегося верблюда и написал, что буду.

В восемь ноль семь она увидела Наилу.

Юсуф ставит кофе рядом с папкой. Внутри условия, подготовленные ещё до помолвки: дом и увеличенное содержание для Лады, траст и место в наследственном фонде для Миры.

Я добавил клинику. Лада давно хочет открыть отделение ранней диагностики для детей с пороками сердца. Помещение выбрано, финансирование согласовано.

Я собирался подарить ей проект после свадьбы.

Одной из свадеб.

Фраза настолько плохо выглядит даже в мыслях, что я закрываю папку.

— Соединить с госпожой Самирой? — спрашивает Юсуф.

— Она звонила Ладе?

— Четыре раза. Ответа не было.

— Соедини.

Сестра принимает вызов быстро. У неё раннее утро, но на экране Самира уже одета и сидит за столом. Рядом дымится кофе. В отличие от остальных членов семьи, она не исполь-

зует красивый фон для официальных разговоров, поэтому за её спиной видны коробки после переезда и картина, прислонённая к стене.

— Поздравляю, — говорит она.

— Не начинай.

— Я не уточнила, с чем.

— Ты говорила с Ладой?

— Она не отвечает.

— У тебя есть ключ от квартиры?

— Есть. И нет, я не поеду проверять, на месте ли твоя жена.

— Я уже лечу.

Самира берёт чашку, но не пьёт. Рассматривает меня поверх края.

— В Москву?

— Да.

— Ты пропустил помолвочный ужин?

— Он прекрасно пройдёт без меня.

— Вероятно, и брак тоже.

Я откидываюсь в кресле. За иллюминатором чёрное небо, в котором отражается освещённый салон. Лететь ещё четыре часа.

— Если позвонишь, чтобы сказать ей то же самое, лучше разверни самолёт.

— Что именно?

— Что ничего не изменится.

— Ничего не должно было измениться.

Самира ставит чашку.

— Ты правда сейчас это произнёс?

— Наила знала об условиях. У неё будет отдельная резиденция и публичные обязанности.

Лада останется моей женой, получит защиту семьи и официальный статус.

— После семи лет тайного брака ты решил дать ей официальный статус одновременно с появлением официальной невесты. Щедро.

— Мне не нужна ещё одна Ольга Крылова.

— Тогда тебе повезло. Я гораздо хуже.

Она снимает очки и трёт переносицу. Муж Самиры тоже считал, что жена никуда не уйдёт. В нашей семье мужчины считают так до приезда адвоката.

— Лада сказала, что подаст на развод, — говорю я.

— Тогда подаст.

— Она была расстроена.

— Рашид, твоя жена может семь лет терпеть то, что ей не нравится. Но я ни разу не слышала, чтобы она угрожала тем, чего не собирается делать.

Я смотрю на папку.

— Ты тоже знала?

— О помолвке? Отец сообщил вчера.

— И промолчала.

— Я позвонила тебе. Ты не ответил. Позвонить Ладе и поздравить с новой женой должен был всё-таки ты.

— Не пытайся купить её обратно, — произносит Самира тише.

— Я обеспечиваю свою семью.

— Нет. Ты приносишь людям деньги туда, где должен принести себя.

Я завершаю вызов.

Юсуф сидит через проход и старательно читает документ, который держит вверх ногами.

— Есть что добавить?

Он переворачивает лист.

— Нет, господин.

— Хорошо.

Через минуту он всё-таки поднимает взгляд.

— Подарок для госпожи Амиры погрузили в машину. Прикажете занести его лично?

Я вспоминаю золотую корону на дочери и её лицо за спиной Лады.

— Нет. Оставьте в багажнике.

В Москве моросит. Я не люблю здешнее лето: город обещает тепло, а потом в конце июля заставляет искать куртки. Лада говорит, что поэтому здесь всё честнее, чем в пустыне.

У дома нет прессы. Юсуф заранее проверил подъезды и попросил водителя остановиться со двора. Охрану я оставляю внизу.

На седьмом этаже я достаю ключ, но дверь открывает Ольга.

На ней вчерашние джинсы, белая рубашка поверх футболки и очки. Волосы собраны в небрежный узел. Она смотрит сначала на ключ в моей руке, потом на кольцо.

— Могли позвонить, — говорит она. — Звонок пока не переписан на вашу семью.

— Где Лада?

— Доброе утро.

— Ольга.

— Рашид.

Она отходит, пропуская меня, но дверь оставляет распахнутой перед охраной.

В прихожей пахнет остывшим тортом. На вешалке висит платье Лады: сняла и не донесла до шкафа.

— Мира проснулась?

— Давно.

— Почему не отвечает?

— Телефон разрядился. Удивительно, как быстро садится батарея, если всю ночь ждать звонка от отца.

Я снимаю пиджак и кладу на пуф. Ольга не помогает.

— Мне нужно поговорить с женой.

— С какой?

— Не советую.

— А я не спрашивала совета.

Лада появляется в дверях кухни. Серые домашние брюки, тонкий свитер, волосы собраны на затылке. После бессонной ночи она всегда мёрзнет.

На её руке нет кольца.

Светлая полоска на пальце заметна отсюда.

Я делаю шаг, но Лада поднимает ладонь.

— Не надо.

— Нам следует поговорить без свидетелей.

— Ольга мой адвокат.

— Со вчерашней ночи?

— Гораздо дольше. Просто раньше я всё надеялась, что не понадобится.

Из комнаты выглядывает Мира в пижаме с лимонами. Она смотрит на меня, но не бежит навстречу.

— Хабибти.

Я опускаюсь, чтобы наши лица оказались на одном уровне. Мира прижимается плечом к косяку.

— Ты уже женился?

— Нет.

— А когда?

— Иди сюда. Я всё объясню.

Протягиваю руку. Она смотрит на неё, затем переводит взгляд на кольцо.

— Это мамино?

— Наше.

— А у той тётки тоже ваше?

Я не сразу нахожу ответ. Семилетняя девочка видит у отца две женщины и по кольцу для каждой.

— Кольцо для церемонии выбрала её семья.

— А ты ей надел.

Мира отходит от двери.

— Я не хочу подарок.

— Он остался в машине.

Я выпрямляюсь.

— Мира, это не связано с...

— Не надо.

Она уходит и тихо закрывает дверь. Это хуже хлопка.

— Мы договорились не втягивать её, — говорю Ладе.

— Мы ни о чём не договаривались.

— Тогда договоримся сейчас.

Лада поворачивается к Ольге:

— Побудешь с ней?

— Буду рядом.

Ольга проходит мимо меня. Когда дверь детской закрывается, Лада идёт на кухню.

Торт стоит под прозрачной крышкой. Рядом лежит моё кольцо — нет, её кольцо, — и несколько листов текстом вниз.

Я сажусь напротив.

— Ты не должна была узнавать так.

— Но узнала.

— Именно поэтому я приехал.

— Удобно. Я семь лет просила приехать и объявить, что у тебя есть жена. Для объявления другой хватило одного вечера.

Я открываю папку и подвигаю к ней.

— Здесь условия, которые подготовили до помолвки.

Лада не касается документов.

— Для кого?

— Для тебя и Мира.

— Мы теперь условия?

— Не искажай. Дом остаётся за тобой независимо от обстоятельств. Содержание будет увеличено. Я закреплю твой статус в Аль-Нуре, а Мира получит место в наследственном фонде.

Она слушает слишком спокойно. Такой я её не видел.

— Ещё что-нибудь?

— Клиника.

— Какая клиника?

— Центр ранней детской диагностики. Помещение уже выбрали. Ты сможешь руководить отделением и собрать команду.

Её лицо дёргается, будто я попал в место, которое болит сильнее остальных.

— Ты решил подарить мне клинику на свою свадьбу?

— На нашу годовщину.

— Которая будет после твоей свадьбы.

— Наила не изменит наши отношения.

Лада закрывает глаза на один вдох.

— Ты до сих пор не понял.

— Я понимаю, что ты унижена. Я исправлю это. После перехода власти мы сделаем заявление, тебя официально представят семье и совету. Ты сможешь приезжать в Аль-Нур без ограничений, участвовать в мероприятиях...

— Вместе с Наилой?

— У вас будут разные обязанности.

— Конечно. Она будет женой перед камерами, а я — после.

— Ты моя жена и мать моей дочери.

— Тогда не женись.

Произносит буднично, как врач, предлагающий очевидное лечение.

— Я дал слово.

— Мне ты тоже его давал.

— Речь не о чувствах.

— Вот именно.

Она переворачивает листы, лежащие рядом с кольцом, и подвигает ко мне.

Сверху заявление. Наши имена напечатаны полностью: Лада Соколова. Рашид бин Халид аль-Хамдани. Ниже — просьба о расторжении брака.

— Я ничего не подпишу.

— Тебя пока не просят.

— Ты не подашь это.

— Сегодня выходной. Завтра в девять утра.

Я смотрю на подпись. Она поставлена моей ручкой — той, которую я подарил после защиты диссертации. Почерк обычный, спокойный.

— Ты не хочешь развода.

— А ты не хотел второй жены. Видишь, сколько нового мы о себе узнали за ночь.

Я накрываю заявление ладонью.

— Наила ничего для меня не значит.

— Тогда ей особенно повезло.

— Она знает условия.

Лада смотрит на меня. В её глазах впервые за всё утро появляется что-то живое и острое.

— Наила знает, что ты уже женат?

Глава 3. Первая только по документам

Рашид

— Знает.

Лада не вздрагивает. Только отодвигает чашку, которую так и не тронула, и керамика негромко скребёт по столу. На дне остался тёмный след от вчерашнего чая. Обычно она не терпит грязную посуду на кухне дольше пяти минут, а сейчас смотрит на круг, будто там написано продолжение моего ответа.

— Давно?

— Её семья получила условия семь недель назад. Наила — после первого согласования.

— Семь недель.

— Тогда не было решения о помолвке.

— Но уже было кольцо.

Я не спрашиваю, откуда она знает. На лестнице Наила подняла руку перед камерами, и Лада наверняка разглядела каждую грань. Женщина, которая ждёт мужа к торту, замечает такие вещи лучше ювелира.

— Кольцо заказывала семья аль-Рашван, — говорю я. — Это ещё ничего не означало.

Лада проводит пальцем по краю заявления, не глядя на меня.

— Для тебя всё ничего не означает, пока не показывают по телевизору. Подготовленные документы, выбранное кольцо, платье, перекрытые улицы. Обычный набор случайностей.

— Я узнал, что соглашение утвердят, три дня назад.

— А Наила узнала, что у тебя есть жена, семь недель назад. Я правильно считаю?

— Да.

Она кивает. Спокойно, почти удовлетворённо, словно получила результат анализа, на который уже не надеялась. Я предпочёл бы крик. С Ладой, которая кричит, можно спорить, можно удержать её за плечи, дожидаться, пока злость выйдет и останется то, что было до неё. Но жена сидит напротив, кутаясь в тонкий свитер, и складывает факты туда, где для меня, кажется, больше нет места.

— Что именно ей рассказали?

— То, что необходимо.

Лада поднимает глаза.

— Я хочу услышать не формулировку из документа.

— Она знает, что наш брак зарегистрирован в России и Аль-Нуре. Знает о Мире. Знает, что развод не обсуждается и что у нас не будет с ней супружеских отношений.

Последнее должно было прозвучать иначе. Я повторял это на переговорах с её отцом, юристами, советниками, а после — самому себе. Это моё условие, граница, за которую никто не войдёт. Но на кухне рядом с несъеденным детским тортом верность, заранее согласованная со второй женой, уже не похожа на верность.

— То есть вы обсудили, как именно ты не будешь со мной разводиться и ей изменять? — спрашивает Лада.

— Я не собираюсь изменять тебе.

— Не собираешься? А что тогда происходит?

— Между мной и Наилой нет отношений.

— Между вами есть свадьба.

— Будет церемония и публичные обязанности. Не семья.

— Какая жалость. Видимо, слово «семья» оставили для той квартиры, куда ты приезжаешь через служебный вход.

Телефон вибрирует возле папки. На экране появляется имя Наилы, и Лада успевает прочитать его раньше, чем я переворачиваю аппарат.

— Ответь.

— Нет.

— Почему? Вдруг невеста волнуется, хорошо ли ты объяснил первой жене её новые обязанности.

— Она не моя невеста в том смысле, который ты вкладываешь.

Лада коротко смеётся. Смех получается сухим и чужим.

— Прекрасно. Значит, и я не твоя жена в том смысле, который вкладываю.

Телефон умолкает, почти сразу начинает снова. Я отключаю звук и убираю его в карман. Лада следит за моей рукой. На безымянном пальце кольцо, которое я надеваю только в закрытых помещениях, кажется слишком светлым. Семь лет назад она выбрала простую платину, потому что герб, камни и толстый ободок, по её словам, превратили бы свадьбу в открытие нового министерства. Я носил его на пальце два дня. Потом отец увидел фотографию.

— Наила видела меня? — спрашивает Лада.

— Что?

— Не делай вид, что не понял. У неё есть моя фотография?

Я медлю, и этого хватает.

— Конечно, есть, — произносит она сама. — Нельзя же жениться на шейхе, не проверив женщину, к которой он будет ездить после официальных мероприятий.

— Служба безопасности предоставила закрытое досье обеим сторонам. Это стандартная процедура.

— Там есть адрес?

— Он и так известен охране.

— Мой адрес, место работы, фотографии Миры?

— Данные ребёнка защищены.

— Но они есть.

— Лада, ни Наила, ни её семья не представляют для вас угрозы.

— Тогда зачем им моё досье?

Я не отвечаю. Любой ответ звучит одинаково: чтобы люди, которых Лада никогда не видела, смогли оценить, насколько моя настоящая жизнь помешает будущей. В папке аль-Рашван наверняка есть фотографии из больницы, выписка о российском браке, сведения о поездках. Может быть, та самая съёмка с набережной, где мы повернуты спиной. Наша единственная семейная фотография, безопасная для комода, оказалась недостаточно безопасной для чужого стола.

Лада прижимает ладони к чашке. Пальцы у неё белые и холодные. Я протягиваю руку, но она отдёргивает свою раньше, чем успеваю коснуться.

— Не надо делать вид, что ты приехал меня утешать.

— Я приехал сохранить семью.

— Ты уже сохранил. В отдельной папке, с печатью службы безопасности.

— Я понимаю, что сейчас всё выглядит...

— Не говори «выглядит». Оно не выглядит унижительным, Рашид. Оно такое и есть.

Я закрываю папку с условиями, потом снова открываю. Слова Самиры о деньгах вспоминаются не вовремя. Возможно, потому что она права, но это ничего не меняет. Я не могу принести Ладе решение, в котором нет дома, охраны, счетов и подписей. Одного меня ей всегда было мало: я приезжал на два дня, оставался на один, обещал вернуться через неделю и переносил рейс. Теперь она просит убрать из её жизни даже это.

— Московский дом уже оформлен так, что никто из моей семьи не сможет на него претендовать, — говорю я. — Но я куплю тебе резиденцию в Аль-Нуре. Не семейную. Твою. Ты

сама выберешь район и людей для охраны. Доход будет поступать не как содержание, а по официальному договору с фондом. Без моего разрешения на расходы.

— Какой доход?

— За руководство медицинским направлением. Клиника станет частью фонда, но право управления будет закреплено за тобой.

— Я ещё не согласилась взять клинику.

— Ты хотела её пять лет.

— Я хотела открыть её сама. Не получить за хорошее поведение в гареме.

— Не называй это так.

— Почему? У слова плохая репутация?

Я сжимаю край папки. Плотный картон прогибается под пальцами, хотя я почти не чувствую усилия.

— Ты никогда не будешь зависеть от Наилы. У неё не будет права входить в твой дом, вмешиваться в работу клиники или принимать решения о Мире. Любое условие, которое ты назовёшь, внесут в соглашение.

— Любое?

— Да.

— Не женись на ней.

Мы уже стояли в этой точке несколько минут назад, но теперь Лада произносит просьбу иначе. Без раздражения и даже без надежды. Просто проверяет, существует ли хоть одна гарантия, которую нельзя заменить деньгами.

— Кроме этого, — говорю я.

— Тогда не любое.

Она встаёт, берёт чашку и выливает холодный чай в раковину. Вода из крана бьёт по керамике, разбрызгивается на рукава, но Лада замечает только через несколько секунд. Закапывает мокрую ткань, вытирает ладони полотенцем. Я знаю это полотенце: белое, с маленьким синим сердцем, которое Мира вышила кривыми стежками в школе. Рядом висит другое, совершенно сухое. Лада всегда пользуется только подарком дочери, хотя нитки царапают кожу.

— Что ты хочешь получить взамен? — спрашивает она, всё ещё стоя ко мне спиной.

— Ничего.

— Ты прилетел с папкой условий и ничего не хочешь?

— Чтобы ты не подавала заявление. Чтобы вы с Мирой остались моей семьёй.

— А что изменится для нас?

— Я буду приезжать чаще.

Она поворачивается.

— После свадьбы?

— Да.

— Из дома Наилы?

— У неё будет отдельная резиденция.

— Хорошо. После мероприятий с Наилой.

— Если потребуется.

— В нашу постель?

Вопрос заставляет меня замолчать. Не потому, что я не знаю ответа. Я именно так и представлял будущее: обязательные ужины, заседания, камеры, затем самолёт в Москву и Лада, которая снимает с моей шеи цепочку, надевает кольцо на палец и спрашивает, сколько у нас времени. В этой картине она ждала. Как ждала семь лет. Я не думал, что после церемонии постель станет для неё другой.

— Это наша постель, — отвечаю я.

— Была.

— Не говори так.

— Ты правда считаешь, что можешь жениться на другой, приехать сюда, снять пиджак в прихожей и лечь рядом со мной? А утром улететь обратно, потому что у твоей официальной жены благотворительный завтрак?

— Наила не будет моей женой здесь.

— Удобная география.

Она садится обратно, но уже не напротив — на край стула, ближе к выходу. Между нами остаются торт, две папки, её кольцо и семь лет, которые я ещё час назад считал доказательством того, что Лада никуда не уйдёт.

Дверь кухни приоткрывается. Ольга заглядывает внутрь и смотрит на Ладу.

— Мира хочет завтракать, но выходить не будет.

— Я принесу ей, — отвечает Лада.

— Я уже сделала бутерброд. Она разобрала его и съела только сыр.

— Пусть пока так.

Ольга переводит взгляд на меня, затем на папку.

— Закончили торговаться?

— Вас это не касается.

— Меня наняли именно затем, чтобы касалось.

— Лада ничего не подписывала.

— А вы уже успели?

Она кивает на мои документы. Я закрываю папку.

— Это проект гарантий.

— Я догадалась. У богатых мужчин гарантии обычно появляются в тот момент, когда женщина просит оставить её в покое.

— Оль, — тихо произносит Лада.

Подруга замолкает, но не уходит. Прислоняется к дверному косяку и складывает руки на груди. На правой ладони синие чернила, вероятно, всю ночь писала своей ручкой, пока заявление Лада подписывала моей.

— По российскому закону новый брак здесь не признают, — говорит она. — Если вам вдруг важно, кто у кого первый.

— Он будет зарегистрирован в Аль-Нуре.

— Разумеется. Там, где старый брак можно временно не показывать публике, а новый — показать.

— Российский суд не отменяет прав Миры в моей стране.

— Мы пока говорим не о правах Миры.

— Именно о них. Если Лада подаст заявление без соглашения, вопрос гражданства и опеки станет сложнее.

Ольга выпрямляется.

— Это угроза?

— Это факт.

— Нет, — вмешивается Лада. Она смотрит не на подругу, а на меня. — Это он так заботится. У Рашида всегда всё самое страшное называется заботой.

— Я не заберу у тебя Миру.

— Пока?

— Никогда.

Слово слишком быстро слетает с языка. Я вспоминаю отца у двери гардеробной: «Забери девочку». Вспоминаю аль-нурский паспорт дочери в сейфе моего кабинета, подпись Лады на согласии и то, как легко человек с печатью превращает обещание в бумагу, а бумагу — в при-

каз. Я не собираюсь этого делать. Но Лада смотрит так, будто тоже вспомнила, где лежит второй паспорт.

- Верни документ Миры, — говорит она.
- Я привезу его в следующий приезд.
- Нет. Поручи Юсуфу вернуть его. Сегодня.
- Паспорт в Аль-Нуре.
- Я знаю, где он. Верни.
- Хорошо.

Ольга бросает на Ладу быстрый взгляд. Она не ожидала, что я соглашусь. Лада тоже, но благодарности на её лице нет.

- И никаких новых бумаг о дочери без моего письменного согласия, — добавляет она.
- Согласен.
- Охрана не заходит в школу и больницу без моего разрешения.
- Если нет угрозы.
- Ты видишь угрозу во всём, что не контролируешь.
- Потому что обычно именно там она и появляется.

Лада качает головой. Я понимаю, что снова говорю с ней как на заседании: принимаю пункт, добавляю оговорку, оставляю себе право отменить обещание в чрезвычайной ситуации. Семь лет она соглашалась на этот язык, потому что за ним был я. Сейчас слышит только условия мелким шрифтом.

— В Аль-Нуре наш брак останется первым, — говорю я. — Дата регистрации не изменится. Ни Наила, ни её семья не смогут оспорить твоё положение и права Миры. Ты будешь первой супругой по закону.

Ольга медленно снимает очки. Лада смотрит на меня с таким вниманием, будто я наконец произнёс то, ради чего летел.

- Первой, — повторяет она.
- Да.
- А Наила будет стоять рядом с тобой на лестнице.
- Это публичная роль.
- Её будут встречать в аэропорту, с ней будут здороваться жёны министров, её фотографию повесят в государственных учреждениях. Она войдёт в дом твоего отца через главный вход и сядет за семейный стол на своё место.

- Это не имеет значения для нас.
- А я буду первой где?
- В реестре. В семейном соглашении. В порядке наследования.
- На бумаге.
- Закон существует не только на бумаге.
- Мой брак семь лет существует только там.

Она касается заявления кончиком пальца. Потом поднимает своё кольцо, лежащее рядом, и на мгновение мне кажется, что наденет. Лада вместо этого кладёт его на мою папку — точно в середину золотого герба.

— Женщина, которую семь лет прячут, всегда будет второй, Рашид. Даже если в вашем реестре возле её имени стоит единица.

- Я не прятал тебя.
 - Нет?
 - Я защищал вас.
 - От чего? От фамилии собственного мужа? От фотографий с отцом твоего ребёнка?
- От возможности однажды прийти к тебе не через служебный вход?
- Ты знала, почему это необходимо.

— Я верила, что временно.

— После перехода власти всё изменится.

— Ты говорил это перед каждым днём рождения Миры. После операции отца. После голосования совета. После следующего кризиса, который почему-то всегда оказывался важнее нас. Теперь всё изменится после твоей свадьбы с другой женщиной. Очень подходящий момент представить первую.

Из коридора доносится едва заметный скрип. Я поворачиваю голову, но дверь остаётся закрытой. Ольга тоже слышит и уже собирается выйти, однако Лада отвечает раньше, чем та успевает сделать шаг.

— Ты думаешь, я стыжусь вас? — спрашиваю я.

— Я думаю, ты слишком долго называл стыд безопасностью, чтобы теперь заметить разницу.

— Мира носит моё имя в Аль-Нуре. Она внесена в семью с рождения.

— В паспорте, который лежит у тебя в сейфе. Здесь она Соколова, потому что фамилия аль-Хамдани, по твоим словам, привлекла бы ненужное внимание. В школе её отец — человек, который слишком много работает за границей. На праздники он появляется на экране, если не объявляет в это время о помолвке.

— Не смей говорить, что я стыжусь дочери.

Я произношу громче, чем собирался. В квартире становится тихо. Не то обычное утреннее молчание, в котором слышны трубы и лифт, а внимательное — детское.

Дверь кухни медленно открывается.

Мира стоит босиком на холодном полу. Пижамная кофта застёгнута неправильно, одна пуговица пропущена, в руке зажат сыр из бутерброда. Она смотрит на меня снизу вверх и говорит:

— Пап, а почему ты стыдишься, что я тоже аль-Хамдани?

Глава 4. Дочь шейха не плачет

Рашид

— Я не стыжусь тебя.

Мира продолжает стоять в дверях, сжимая в пальцах тёплый ломтик сыра. На нём остались вмятины от ногтей. Я опускаюсь перед дочерью на корточки, но она не делает ни шага навстречу. Раньше стоило мне раскрыть руки, и Мира бросалась на шею с разбега, больно ударяя коленями в грудь. Сейчас между нами меньше метра, однако кухня кажется просторнее дворцового зала.

— И маму не стыжусь, — добавляю я.

— Тогда почему мне нельзя говорить фамилию?

— Тебе можно.

— В школе нельзя. Мама сказала учительнице, что я Соколова.

— Потому что здесь это безопаснее.

— От кого?

Я слышу, как Ольга тихо втягивает воздух. Лада не шевелится. Сидит возле стола, положив ладонь на заявление о разводе, и ждёт моего ответа вместе с дочерью.

— Моя фамилия привлекает внимание, хабибти. Не все люди, которые интересуются нашей семьёй, желают ей добра.

Мира обдумывает это, глядя на меня исподлобья.

— А той тёте не опасно?

— Какой?

— Наиле. Она же стояла с тобой, и все её снимали.

— У неё есть охрана.

— У меня тоже. Они внизу.

Лада отворачивается к окну. Я вижу только её профиль и короткое движение губ: не улыбка, скорее реакция врача, который услышал от пациента особенно убедительную глупость.

— Когда ты станешь старше, тебе не придётся ничего скрывать, — говорю я.

— Когда?

— Скоро.

— До восьми лет?

— Мира, такие вещи не зависят от возраста.

— Тогда от чего?

Семилетний ребёнок задаёт вопросы иначе, чем совет. Не оставляет времени, чтобы заменить правду формулировкой, и не принимает слова, за которыми нет даты.

— От моей работы, — отвечаю я. — От того, что происходит в Аль-Нуре.

— А когда ты женишься на ней, всё перестанет происходить?

— Нет.

Она кивает, словно другого ответа и не ждала, откусывает сыр и тщательно жуёт. Не плачет. Мира вообще редко плачет при людях; если разбивает колено, сначала убеждается, что дверь закрыта, и только потом зовёт мать. Я всегда считал это силой характера. Сейчас понимаю, у кого она научилась.

— Ты вчера говорил про Наилу и её семью, — произносит дочь, проглотив. — А про меня не говорил.

— Это было заявление о помолвке.

— У меня был день рождения.

— Я знаю.

— После ты позвонил.

— Я опоздал.

— На семь минут.

Не на семь минут. На семь лет, если верить Ладе. Но это она пока не произносит, и я не собираюсь делать это за неё.

— Прости меня, — говорю я.

Мира смотрит на моё лицо дольше, чем нужно, чтобы решить, верит она или нет. Потом переводит взгляд на мать.

— Я могу доесть торт?

Лада поднимается.

— Сначала нормальный завтрак.

— Я съела сыр.

— Сыр из бутерброда не считается завтраком, если хлеб ты вернула Ольге.

— Там были помидоры.

— Два кусочка.

— Они мокрые.

Разговор внезапно становится обычным. Лада достаёт из холодильника яйца, Мира садится на своё место и тянется к торту, пока мать стоит спиной. Я перехватываю её руку. Дочь не улыбается, но и не отдёргивает пальцы.

— После омлета, — говорю я.

— Ты останешься?

Вопрос задан тихо. Я не сразу понимаю, что он обращён ко мне.

— На весь день, если ты хочешь.

— Ты же вчера тоже хотел.

— Вчера я поступил плохо.

Лада слишком резко опускает сковороду на плиту. Ольга смотрит на неё, затем молча забирает папку с заявлением. Сейчас они могли бы выставить меня за дверь, и им не пришлось бы даже спорить. Но Мира ждёт, что скажет мать.

— Решай сама, — произносит Лада. — Я не буду мешать тебе видеться с папой.

— Я хочу дома.

— Мы можем остаться здесь, — отвечаю я.

Мира кивает и принимается отщипывать от сыра тонкие полоски. Значит, мне разрешено провести с ней день, но не увести ни на шаг. Не знаю, её это условие или Ладино, только принимаю без оговорок.

Достаю телефон и пишу Юсуфу, чтобы поднял подарок. Через десять минут в прихожей уже гремят коробки.

Юсуф приносит кремовый дорожный сундук с латунными уголками и две коробки поменьше. На крышке золотом выведено имя дочери на арабском: Амира бинт Рашид аль-Хамдани. Когда я заказывал подарок, надпись казалась правильной. Теперь Лада читает её через моё плечо и ничего не говорит.

Мира обходит сундук, не касаясь.

— Там чемодан?

— Это и есть чемодан. Открой.

Она поднимает защёлки. Внутри лежат чёрные сапоги для верховой езды, перчатки, светлый защитный шлем и тёмно-зелёный жилет. На всём — её инициалы. В боковом отделении спрятана небольшая коробка; Мира находит её последней и вытаскивает фотографию гнедой кобылы с белой отметиной между глаз.

— Это пони?

— Лошадь. Ей шесть лет, она спокойная и уже привыкла к детям. Ты сама дашь ей имя.

На секунду дочь забывает, что сердится. Садится прямо на пол, рассматривает фотографию, переворачивает, будто с обратной стороны может оказаться продолжение.

— А где она?

— В Аль-Нуре. В семейной конюшне.

Радость с лица исчезает так быстро, что я почти успеваю убедить себя, будто её не было.

— Почему не здесь?

— Перевозить её далеко. К тому же ты сможешь приезжать и заниматься с тренером.

— Когда?

— Можем улететь на этой неделе.

Лада, стоящая у раковины, медленно поворачивается.

— Мы никуда не летим.

— Я говорю с Мирой.

— А я — её мать. У дочери нет при себе аль-нурского паспорта, и, надеюсь, сегодня это не изменится.

Юсуф опускает глаза. Он уже знает о моём обещании вернуть паспорт. Возможно, самолёт из Аль-Нура успеет к ночи, если отец не распорядится иначе.

— Я не собирался увозить её без тебя, — отвечаю я.

— А со мной ты собирался?

— На несколько дней.

— В разгар твоей помолвки?

— В моей резиденции достаточно места, чтобы вы не встречались с Наилой.

— Какая предусмотрительность.

Мира переводит фотографию с меня на мать.

— Мам, а ты хочешь посмотреть лошадь?

Лада вытирает руки полотенцем с синим сердцем. Вчера она наверняка сказала бы «когда-нибудь». Сегодня долго смотрит на дочь, прежде чем ответить.

— Не сейчас, зайка.

— Из-за Наилы?

— Из-за нас с папой.

— А если она не будет приходить?

— Дело не в ней.

— Папа говорит, в доме много места.

Лада прикрывает глаза. Я понимаю, что сделал, только когда она снова смотрит на меня. Предложил женщине после объявления о второй свадьбе пожить в другом крыле, чтобы всем хватило пространства.

— Мы не поедem, — повторяет она. — И больше не обсуждаем это при Мире.

— Вы обсуждаете при мне всё, — замечает дочь.

Ольга кашляет, отворачиваясь. Лада подходит к Мире и поправляет волосы, застрявшие под воротом пижамы.

— Потому что взрослые иногда ведут себя хуже детей.

— Оба?

— Сегодня — оба.

Это несправедливо к Ладе, и я собираюсь возразить, но она едва заметно качает головой. Не сейчас. Я слышу эти слова даже без голоса и впервые за утро делаю, как она просит.

Мира возвращает фотографию в коробку.

— Я могу назвать её Свечкой?

— Лошадь?

— Она тоже вчера ждала?

— Нет. За ней ухаживают каждый день.

— Хорошо. Тогда Свечка.

Я обещаю, что имя внесут в документы. Дочь спрашивает, можно ли отправить ей видео, как лошадь ест яблоко, и Юсуф тут же пишет конюху. Телефон в моём кармане не перестаёт вибрировать: отец, его секретарь, Наила. Я включаю авиарежим. Сегодня у меня уже было достаточно людей, которым я ответил раньше, чем Мире.

Следующие два часа мы собираем конструктор, подаренный кем-то из её школьных друзей. Не дворец и не конюшню — больницу с крошечными пластиковыми врачами. Мира поручает мне регистратуру и трижды переставляет дверь, потому что каталка не проходит. Я предлагаю расширить проём, она отвечает, что ломать стену нельзя: «Это не ваш дворец, пап». Лада роняет ложку в мойку, а Ольга уходит в комнату, чтобы не смеяться при мне.

К полудню Мира разрешает посадить пластикового пациента на второй этаж, съедает кусок торта и наконец забирается ко мне на колени. Не обнимает, просто устраивается удобнее, чтобы дотянуться до крыши. Я держу ладонь у неё на животе, чувствуя, как она дышит. Ровно, спокойно. Так, словно ночью не узнала, что у отца будет другая жена.

— Хабибти, — говорю я тихо, — ты можешь сердиться на меня.

— Я знаю.

— И можешь плакать.

— Я не хочу.

— Почему?

Она пожимает плечами и вставляет в крышу прозрачную деталь.

— Тогда глаза будут красные.

— И что?

— Ты улетишь и будешь помнить меня некрасивой.

Руки слушаются не сразу. Маленькая фигурка врача падает под стол, но я не наклоняюсь за ней.

— Я помню тебя любой.

— Ты забыл, сколько мне лет.

— Не забыл.

— Тогда почему на торте было семь свечек, а ты не пришёл?

Я мог бы повторить про совет, отца, переход власти. Про то, что дата заявления зависела не от меня. Всё это будет правдой, но дочь уже знает, как мало она меняет.

— Потому что выбрал не тебя, — отвечаю я.

В кухне становится тихо. Лада стоит у окна с чашкой кофе, не поворачиваясь. Мира прижимает к крыше обе ладони.

— А сегодня?

— Сегодня тебя.

— Только сегодня?

— Нет.

Она ждёт продолжения, а я не даю ещё одного обещания, которое можно будет проверить по часам. Вместо этого поднимаю с пола фигурку врача и ставлю возле построенной двери.

— Посмотрим, — говорит Мира голосом матери.

К четырём больница готова. Дочь фотографирует её на планшет с четырёх сторон, потом открывает галерею. Первой появляется вчерашняя трансляция: Рашид аль-Хамдани и Наила аль-Рашван на дворцовой лестнице. Мира, должно быть, сделала снимок экрана до того, как Лада забрала устройство.

Я протягиваю руку.

— Давай удалю.

— Не надо.

Она увеличивает изображение, пока кольцо Наилы не превращается в светлое пятно.

— У вас с мамой есть такая фотография?

— Какая?

— Где вы рядом и все знают, что вы женатые.

Лада медленно ставит чашку на подоконник.

— Есть наши семейные фотографии, — говорю я.

— Не дома. Там.

Мира нажимает пальцем на лестницу.

— На празднике или когда ты работаешь. Чтобы мама была в красивом платье и не со спины.

Я открываю свою галерею. В телефоне больше двадцати тысяч снимков, большинство присылает пресс-служба. Ввожу имя Лады. Поиск находит частные фотографии: она спит в самолёте, смеётся с мокрыми волосами у бассейна, держит новорождённую Миру. Ни одну нельзя показать чужому человеку, не объясняя, кто эта женщина и почему наследник Аль-Нура смотрит на неё так, как никогда не смотрел в камеры.

— Вот, — говорю я и открываю снимок с медицинского форума в Женеве.

На нём я стою возле министра здравоохранения и руководителя фонда. Лада видна в третьем ряду, между чужими плечами. В тот вечер она выступала с докладом, а на приёме мы сделали вид, что познакомились час назад. Я ушёл первым. Она вернулась в отель на другой машине.

Мира всматривается.

— Мама не рядом.

— Но мы на одном мероприятии.

— Я сказала рядом.

Лада закрывает глаза.

— Мир...

— Ты была с папой на его праздниках?

— Иногда.

— Тогда покажи.

— Таких фотографий нет.

Дочь забирает у меня телефон и листает дальше. Частный ужин в Вене, где Лада сидит напротив и держит моё кольцо на пальце. Пляж, снятый с балкона. Набережная, на которой мы стоим спиной к камере. Мира останавливается на последней.

— Почему вы отвернулись?

— Мы смотрели на воду, — отвечаю я.

— А фотограф кто сделал?

— Охранник.

— Он знал, что вы женатые?

— Знал.

— А ещё кто?

Я не отвечаю. Мира возвращает телефон и слезает с моих колен.

— Тогда сфотографируйтесь сейчас.

— Сейчас? — спрашивает Лада.

— Папа наденет пиджак, а ты платье. Мы поставим вас возле телевизора, и я всем скажу, что это дворец.

У Ольги дёргается подбородок. Она быстро снимает очки и начинает протирать стёкла, хотя они чистые.

— Я сделаю настоящую фотографию, — говорю я. — Не возле телевизора. Мы втроём встанем на лестнице в Аль-Нуре, и никто не попросит вас отвернуться.

— Когда?

— Скоро.

— До восьми лет?

Она возвращает мне мой же ответ и ждёт.

— Я не знаю.

Впервые за утро это её устраивает больше, чем обещание. Мира кивает и закрывает галерею.

— Тогда мне не нужна пока лошадь.

— Это подарок на день рождения.

— Ты подаришь, когда будет фотография.

Она уходит в свою комнату, оставив сундук открытым. По дороге наступает на золотую корону, которую Ольга положила у стены. Картон сминается под босой пяткой. Мира поднимает его, разглаживает ладонью и кладёт на тумбу.

Не плачет.

Отец дозванивается через несколько секунд после того, как я отключаю авиарежим. Я уже спускаюсь к машине, проведя у них почти весь день. Перед уходом Мира подставила щёку, но сама не обняла. Сказала только, чтобы я не забыл отправить видео со Свечкой, и вернулась к больнице без одной стены: пока мы искали фотографию, пластиковые пациенты успели пережить катастрофу.

— Где ты? — спрашивает отец вместо приветствия.

— В Москве.

— Это я понял по вчерашнему ужину, на котором тебя не было.

Я захожу в лифт. Юсуф нажимает первый этаж и отходит к стене.

— Лада подаёт на развод.

Отец молчит ровно секунду.

— Значит, ты плохо объяснил.

— Я не просил оценивать разговор с женой.

— Ты и жену не просил подавать заявление, однако это её не остановило.

Связь на шестом этаже начинает шуршать. Я жду, пока лифт минует третий.

— Паспорт Миры отправили?

Юсуф смотрит на меня.

— Машина забрала его из резиденции, — отвечает он тихо. — Документ будет в аэропорту через час.

Отец слышит.

— Зачем тебе паспорт ребёнка в Москве?

— Я возвращаю его матери.

— Не возвращай.

Двери лифта открываются. За ними стоит охрана; оба мужчины отворачиваются, когда видят моё лицо.

— Это не твой документ.

— Он выдан на фамилию моей семьи.

— Моей дочери.

— Которую ты семь лет держал в другой стране, а теперь за одну ночь решил признать?

Я выхожу во двор. Дождь усилился, по чёрной крыше машины лопаются крупные капли. Водитель держит дверь, но я не сажусь.

— Совет задаёт вопросы, — продолжает отец. — Аль-Рашван тоже. Ты исчез сразу после объявления, а утром зарубежная пресса уже пишет о русской семье.

— Пусть пишет.

— Вчера ты согласился, что переход власти важнее твоих желаний.

— Я согласился на помолвку. Не на то, чтобы дочь использовали для следующего заявления.

— Амира и так дочь наследника. Это не исчезает, если не произносить вслух.

В нескольких метрах Юсуф делает вид, что проверяет машину. Он слышит каждое слово.

— Ты сам требовал молчания.

— До вчерашнего дня оно защищало её. Сегодня выглядит так, будто семья аль-Хамдани прячет собственного ребёнка.

Голос отца остаётся спокойным. Таким он сообщает решения, которые уже внесены в расписание.

— В четверг собирается старшая ветвь семьи. Амира должна занять своё место до свадьбы.

— Ей семь лет, а не место в протоколе.

— Именно поэтому хватит делать вид, что у неё нет имени. Привези её в Аль-Нур. Её официально представят семье.

— Лада поедет с ней.

— Нет, — отвечает отец. — Привези дочь. Без Лады.

Глава 5. Сколько стоит молчание жены

Лада

Паспорт Миры Рашид возвращает за двенадцать минут до того, как я подаю на развод.

Без четверти девять мы с Ольгой стоим в коридоре районного суда перед закрытым окном приёмной. Под памяткой о примирении супругов мужчина в рабочей куртке держит коробку с документами и тяжело вздыхает, будто разводится не он, а вся коробка. Я смотрю на часы чаще, чем на дверь. Заявление лежит у Ольги: возле школы я пять минут искала паспорт в сумке, хотя знала, что его там нет.

Мира ушла в школу, не обернувшись. В боковом кармане у неё торчал рисунок: трое возле дворца, я в медицинском халате, Рашид почему-то с зелёными волосами. Себя она нарисовала между нами, но наши руки не соприкасались. Учительница попросила принести картинку о семье. В прошлом году на ней были мы с Мирой и хомяк, которого у нас никогда не было.

— Лад, перестань смотреть на часы, — тихо говорит Ольга. — Девять наступит, даже если ты его не проконтролируешь.

— Я не контролирую.

— Ты за последние три минуты проверила время семь раз.

— Значит, контролирую плохо.

Она уже собирается ответить, когда в конце коридора появляется Юсуф. Я узнаю его по походке: он всегда движется так, будто помещение заранее очистили от случайных людей, хотя сейчас вынужден обходить женщину с коляской и пристава с кипой дел. В одной руке у него кожаная папка, в другой — белый конверт.

Ольга перестаёт улыбаться.

— Если это цветы, скажи ему, что вазу мы не взяли.

Юсуф слышит и, судя по дрогнувшему рту, даже понимает, но не подаёт вида.

— Доброе утро, госпожа Соколова.

— Лада, — поправляю я. — Мы восемь лет знакомы.

— Доброе утро, Лада.

Он протягивает белый конверт. Внутри что-то тяжёлое соскальзывает к краю, и мне не нужно открывать, чтобы догадаться.

— Его Высочество просил передать лично.

Я достаю тёмно-зелёный паспорт Аль-Нура. Внутри — фотография пятилетней Миры, сердитой из-за тугой резинки в волосах, и фамилия, которую она не носит в школе. Срок действия тот же, печати на месте. Рашид не придумал задержку и не передумал после разговора с отцом. Вернул, как обещал.

Первым приходит почти неприличное облегчение, за ним — злость на себя. Нельзя быть благодарной мужчине за то, что он отдаёт документ твоего ребёнка.

— Распишитесь в получении, — просит Юсуф.

Ольга первой забирает лист, читает каждую строку и кивает. Я расписываюсь, но Юсуф не уходит.

— Что ещё?

Он переводит взгляд на закрытое окно приёмной.

— Семья шейха просит вас не подавать заявление сегодня.

— Вчера он просил не подавать вообще. Прогресс.

— Всего семьдесят два часа.

— А через семьдесят два часа что случится?

— У вас будет возможность рассмотреть условия, которые обеспечат ваше будущее и будущее Амиры.

Теперь он протягивает кожаную папку. Ольга берёт её двумя пальцами, словно с обложки может перейти что-нибудь неприятное.

— Условия от Рашида? — спрашиваю я.

Юсуф выдерживает паузу, и этого хватает.

— Предложение подготовлено семейной канцелярией. Шейх ознакомлен.

— Ознакомлен или согласен?

— Я не уполномочен обсуждать содержание.

— Зато уполномочен торговаться в коридоре суда.

Он опускает голову, привычно принимая удар за отсутствующего Рашида.

— Семья просит отнестись к предложению серьёзно. Оно действительно щедрое.

— Семья, которая вчера не существовала?

— Лада, — вмешивается Ольга, уже листая бумаги. — Возьмём. Щедрость лучше изучать мелким шрифтом.

На первой странице два столбца, арабский и русский, герб канцелярии и длинное название соглашения об урегулировании последствий развода. Моё имя напечатано без ошибки. Имя Рашида окружено титулами, из-за которых наша общая фамилия не помещается на строке.

За стеклом приёмной загорается свет. Женщина в сером кардигане садится к компьютеру, поднимает жалюзи и переворачивает табличку.

— Ваши семьдесят два часа начались, — говорю я Юсуфу.

— Вы рассмотрите предложение?

— Ольга рассмотрит.

— А вы?

Я прячу паспорт Миры во внутренний карман сумки.

— А я подам на развод.

В десять двадцать на моём экземпляре уже стоит входящий номер. Ничего не гремит, свет не гаснет. Женщина за стеклом пересчитывает копии и говорит ждать уведомления. Восемь лет брака принимают через узкое окно вместе с папкой, купленной у метро за сто девятнадцать рублей.

На улице я всё ещё держу заявление в руках, будто синяя печать может исчезнуть. Ольга велит мне дышать. Я послушно втягиваю воздух, пахнувший мокрым асфальтом и кофе из автомата, и телефон вибрирует в кармане.

«Паспорт у тебя?»

Я отвечаю: «Да».

Три точки появляются почти сразу.

«Проверь всё. Я не позволю забрать её у тебя».

Я поворачиваю экран к Ольге.

— Красиво, — говорит она. — Особенно с учётом папки у меня под мышкой.

— Юсуф сказал, её подготовила канцелярия.

— Канцелярии вообще удивительные существа. Сами рождаются, сами ставят печати, а мужчины потом ни при чём.

Я печатаю: «Тогда объясни это своей семье», но не отправляю. После ответов Рашида вопросов всегда становится больше, а мне кажется, будто мы договорились.

— Поедем к тебе, — решает Ольга. — Если там правда только дом и алименты, я извинюсь перед господином в красивом костюме.

— Перед Юсуфом?

— Перед костюмом. Юсуф мне пока ничего хорошего не сделал.

На кухонном столе папка канцелярии выглядит чужой и дорогой. Ольга раскладывает документы между Мириной сахарницей и остатками именинного торта. Я забываю включить чайник, наливаю воду в чашки и только тогда понимаю, почему она холодная.

— Сядь, пожалуйста, — говорит Ольга. — Ты меня нервируешь.

— Я тебя?

— Когда кардиолог не умеет вскипятить воду, у меня появляются сомнения в медицине.

На первой странице вчерашняя дата. Пока Рашид собирал с Мирой больницу и искал фотографию, на которой мы стояли бы рядом, кто-то считал, сколько предложить мне за то, чтобы такой фотографии не появилось.

Ольга читает быстро, сравнивая русский текст с арабским. Первым мне передавали дом в Подмоскovie, который Рашид назвал вчера. Не компании, не трасту, не Мире после совершеннолетия — мне. Содержание и охрану на десять лет брала на себя сторона мужа.

— Неплохо, — произносит Ольга без восхищения. — Дальше.

Дальше идут пять миллионов евро одновременно, отдельное содержание Миры, оплата школы, университета, лечения и охраны. В случае смерти Рашида её доля в семейном фонде сохранялась независимо от появления других детей.

Я беру чашку, хотя чай всё ещё не заварен.

— Он вчера об этом говорил.

— Вчера он называл это «всё, что понадобится». Сегодня у «всего» появились реквизиты.

— Я не подпишу.

Ольга поднимает глаза.

— Мы ещё на шестой странице из сорока трёх.

— Мне хватило первой.

— А мне нет. Дом можешь подарить енотам, но деньги на Миру — её деньги. Не твоя награда за хорошее поведение.

— Я не откажусь от содержания Миры.

— В этом документе одно привязано к другому. Сначала выясним чем, потом будем красиво хлопать дверью.

Ольга права, и от этого раздражает сильнее. Легче швырнуть договор Рашиду и объявить, что мне ничего не нужно. Только гордость матери обычно существует до первого счёта, а потом её оплачивает ребёнок.

На одиннадцатой странице появляется клиника.

Не отделение в чужой больнице, о котором мы говорили два года, а отдельный детский кардиоцентр: здание, оборудование, фонд для детей, которые не могут ждать квоту. Медицинское руководство переходило мне, финансовое оставалось за семьёй. Срок — пятнадцать лет.

Я вижу не цифры — аппарат искусственного кровообращения, которого нам не хватает, и мать пятилетнего Саши, считающую дни до госпитализации. Рашид знает, куда давить. Когда-то я лежала рядом с ним и рассказывала, что сделаю, если деньги перестанут быть стеной. Он гладил меня по спине и обещал: когда-нибудь.

Когда-нибудь напечатано на одиннадцатой странице.

— Это уже подло, — говорю я.

— Это очень дорого, — поправляет Ольга. — Подлость будет дальше.

— Ты могла бы хоть иногда ошибаться.

— Могла бы. Но тогда ты наняла бы другого адвоката.

Оставаться женой я не должна. Мне позволяли развестись, работать и даже выйти замуж снова — с холодной вежливостью, будто разрешали держать собаку. Требовалось только не связывать центр с семьёй аль-Хамдани.

На двадцать первой странице начинается конфиденциальность.

Ольга расправляет плечи и придвигает к себе блокнот.

— Ну, здравствуй.

Без письменного согласия мне запрещалось подтверждать брак, обсуждать его продолжительность, причины развода и отношения Рашида с Наилой. Происхождение Миры, её документы и общение с отцом тоже не подлежали разглашению. Публичным считалось всё — интервью, комментарий, фотография, даже ответ третьему лицу, если он мог попасть в прессу.

— То есть учительнице я тоже должна врать? — спрашиваю я.

— Если у учительницы есть телефон, лучше молчи. А то вдруг она третье лицо.

— Это не смешно.

Ольга уже не улыбается. За нарушение я должна вернуть выплату и возместить ущерб. Финансирование клиники могло быть пересмотрено, если разглашение «нанесло существенный вред репутации стороны мужа».

Я отодвигаю бумаги.

— Вот сколько.

— Что?

— Столько стоит моё молчание. Пять миллионов, дом и кардиоцентр. Алименты они положили рядом, чтобы я не могла отказаться и не чувствовать себя плохой матерью.

Ольга снимает очки и прижимает пальцы к переносице.

— Алименты мы отделим. Обязательства перед Мирой не должны зависеть от того, расскажешь ли ты журналисту, где познакомилась с мужем.

— А клинику?

— Будем требовать без условия о репутации. Или не будем брать вообще. Это решишь ты, но не сегодня и не после одного прочтения.

Пятнадцать лет — это сотни операций. Если откажусь, никто не узнает, что центр мог существовать. Если соглашусь, каждое спасённое сердце будет оплачено тем, что Мира снова станет девочкой без отца для всех, кроме охраны.

— Они специально связали это с детьми, — говорю я.

— Разумеется.

— И что нормальный человек должен выбрать?

— Нормальному человеку не предлагают такой выбор. Поэтому перестань требовать от себя нормальной реакции.

В замке поворачивается ключ. Я вздрагиваю и смотрю на часы, но до конца уроков ещё далеко. Дверь открывает Рашид. На нём тот же тёмный костюм, в котором он вчера ушёл, только без галстука; волосы влажные, будто он попал под дождь, которого уже нет. За спиной остаётся охранник, дверь закрывается.

— Я звонил, — говорит он.

Телефон лежит на подоконнике экраном вниз. Я не слышала.

Рашид видит бумаги на столе и останавливается. Его взгляд проходит по первой странице, по моим пометкам возле пункта о конфиденциальности, по раскрытому приложению о клинике.

— Юсуф должен был привезти только паспорт.

— Он привёз ещё цену.

— Я не просил передавать это сегодня.

— Значит, завтра пять миллионов показались бы приличнее?

Он подходит к столу и берёт верхний лист. Не листает, словно узнаёт документ по гербу.

— Это проект.

— Очень утешает. А я решила, что уже продана.

— Лада.

— Не произноси моё имя тем голосом, которым собираешься всё объяснить. Вчера ты обещал Мире настоящую фотографию. Сегодня твоя канцелярия предлагает мне кардиоцентр за то, чтобы я никогда её не показала.

На его лице появляется резкая складка между бровей. Он переводит взгляд на страницу с условиями клиники.

— Финансирование центра не должно зависеть от конфиденциальности.

— Но зависит.

— Я уберу его.

— Один?

— Все финансовые обязательства перед тобой и Мирой будут безусловными.

— А молчание?

— До свадьбы любое публичное заявление создаст кризис.

— До твоей свадьбы.

— Да.

— А после я смогу рассказать, что восемь лет была твоей женой?

Он не отвечает сразу. Подходит к окну и следит за двумя школьниками так внимательно, будто ответ написан на их спинах.

— После свадьбы Мира будет официально представлена, — говорит он.

— Я спросила не о Мире.

— Твой статус тоже изменится.

— На какой? Бывшая тайная жена?

Ольга кашляет и начинает собирать свои пометки, хотя до её заседания ещё почти час. Рашид поворачивается ко мне.

— Я не подписывал этот вариант.

— Но ты был с ним ознакомлен.

— С основными условиями.

— Дом, деньги, клиника и моё молчание. Очень основные.

— Я хотел, чтобы ты была защищена.

— От кого, Рашид? От мужчины, который оставляет мне пять миллионов после развода, или от мужчины, который может забрать всё, если я назову его своим мужем?

Он кладёт лист на стол, выравнивает край. Этот жест я знаю: так Рашид выигрывает несколько секунд, когда злится и не хочет, чтобы злость увидели.

— Я приехал не спорить о деньгах.

— Тогда зачем?

— Отец требует привезти Миру в Аль-Нур в четверг.

В кухне становится тихо. Даже чайник, который я снова включила и забыла, уже успел отключиться.

— Нет.

— Я уже ответил ему.

— Что?

— Что ты поедешь с ней.

— Я никуда не собираюсь.

— Лада, если семейный совет официально признает Миру до моей свадьбы, больше никто не сможет делать вид, что её не существует.

— Кроме её матери. Меня ведь на семейный совет не пригласили?
Он смотрит прямо.

— Отец сказал привезти её без тебя.
— И ты пришёл убедить меня, что поеду с ней?
— Я пришёл сказать, что без тебя она не поедет.

Два дня назад я слышала бы: он выбрал нас хотя бы в одном споре. Сейчас на столе лежит сорок три страницы, объясняющие, сколько условий помещается между обещанием Рашида и решением его семьи.

— Забери договор, — говорю я. — И передай отцу, что Мира не пункт в повестке его совета.

— Я передам.
— Лично. Не через самозарождающуюся канцелярию.
У Ольги вырывается короткий смешок. Рашид бросает на неё взгляд, но не спрашивает.
— Проект останется у вас, — говорит он. — Ольга должна проверить всё.
— Уже проверила достаточно.
— Нет, — возражает она неожиданно. — Пока нет.

Мы оба поворачиваемся к ней. Ольга держит в руке последние страницы и хмурится, сверяя русский текст с арабским. Потом возвращается к оглавлению, находит нужное приложение и медленно проводит ногтем по строчке.

— Как называется этот раздел в оригинале? — спрашивает она Рашида.

Он подходит. Ольга не отдаёт документ, только разворачивает к нему.

— Порядок осуществления родительских прав и проживания ребёнка.

— Здесь два условия. Первое — беспрепятственное общение с отцом во время его пребывания в России. А второе?

Я встаю и читаю через её плечо.

«Стороны признают культурную, семейную и государственную принадлежность несовершеннолетней Амиры бинт Рашид аль-Хамдани к Аль-Нуру и соглашаются, что ребёнок проживает на территории эмирата не менее ста восьмидесяти трёх дней в каждом календарном году».

— Сто восемьдесят три дня, — произношу я.

Рашид больше не смотрит на документ. Он смотрит на меня.

— Я не видел этого пункта.

— Шесть месяцев, — говорит Ольга. — Лад, это не график встреч с отцом. Это переезд.

Глава 6. Развод в двух странах

Лада

Сто восемьдесят три дня сначала не складываются у меня в месяцы. Я считаю ночи.

Сто восемьдесят три раза Мира уснёт не под треск старого увлажнителя, который она не разрешает менять: новый не умеет «дышать как дракон». За это время пройдёт половина учебного года, Новый год, мой день рождения или её следующий. На бумаге не сказано, какие месяцы они хотят забрать. Щедро оставили нам возможность выбрать половину жизни.

Рашид первым отодвигается от стола. Не от меня — от строки, будто расстояние между ним и документом способно доказать, что он её не видел.

— Кто внёс этот пункт?

— Ты спрашиваешь нас? — Ольга возвращает ему бумаги. — У нас канцелярии сами не размножаются.

Он не реагирует на укол. Достает телефон, находит номер отца и уже подносит аппарат к уху, когда я говорю:

— На громкую.

Рашид смотрит на меня.

— Я хочу услышать, как вы называете это на своём языке.

— Лада, разговор будет...

— На громкую, — повторяет Ольга. — Иначе будет наше ходатайство об ограничении выезда Миры и копия соглашения в суде. Очень публично.

Рашид включает связь.

Отец отвечает не сразу. На заднем плане слышатся мужские голоса, затем приглушённый приказ, стук закрывшейся двери.

— Ты уже в самолёте? — спрашивает шейх Халид.

— Я в доме Лады.

Короткая пауза.

— Ты звонишь обсудить четверг?

— Пункт о ста восьмидесяти трёх днях. Кто его внёс?

Ольга поднимает брови: значит, отец понял без номера страницы.

— Семейная канцелярия, — отвечает он. — Это стандартное условие для ребёнка её положения.

— У Миры нет положения, — говорю я. — У неё есть школа, дом и мать.

Отец узнаёт мой голос не сразу. Мы говорили без переводчика всего дважды, на ужинах, где меня сажали не рядом с мужем.

— Лада, — произносит он наконец. Моё имя звучит как заголовок дела. — Никто не намерен отнимать у вас дочь.

— Поэтому вы начали с половины года?

— Амира принадлежит двум странам.

— Она ребёнок, а не территория.

— У неё есть обязанности перед семьёй отца.

— Ей семь.

— Именно в этом возрасте ребёнок усваивает язык, историю и правила своего дома.

— Её дом здесь, — говорю я.

— Один из её домов.

— Уберите пункт, — требует Рашид.

Отец не повышает голос.

— Ты видел основные условия.

— Этого среди них не было.

— Потому что проживание наследницы не может зависеть от настроения её матери.

Рашид кладёт руку на стол. Золотое кольцо касается дерева. Ещё три дня назад я бы заметила только его — спрятанное восемь лет и наконец надетое слишком поздно.

— Лада не подпишет, — говорит он.

— Тогда соглашение останется проектом.

— И клиника? — спрашиваю я. — Дом? Деньги Миры?

— Обязанности Рашида перед дочерью сохранятся. Остальное обсуждается.

— То есть кардиоцентр всё-таки плата за подпись.

— Вы называете платой то, что другая женщина назвала бы обеспечением.

— Другая женщина уже согласилась выйти за моего мужа. У неё можно спросить.

Ольга перестаёт крутить ручку. Отец отвечает раньше Рашида:

— Наила понимает интересы государства.

— Как удобно, когда интересы государства всегда совпадают с интересами мужчин, которые их объясняют.

Вместо того чтобы остановить меня, Рашид забирает договор и с нажимом перечёркивает пункт — сначала по-арабски, потом по-русски.

— Его не будет, — говорит он.

— Ты не можешь изменить семейное соглашение одним росчерком.

— Могу изменить своё. Я не стану требовать, чтобы Мира жила в Аль-Нуре без согласия матери.

Отец по-арабски требует, чтобы Рашид немедленно вернулся и перестал обсуждать семейные решения перед посторонними.

— Здесь нет посторонних, — отвечает Рашид на том же языке.

Я перевожу Ольге. Она шепчет:

— Сегодня прямо день открытий.

— Старшая ветвь соберётся в четверг, — продолжает шейх Халид уже по-русски. — Если Амира будет представлена семье, вопрос её проживания рассмотрят без спешки и эмоций.

— Она не предстанет перед советом, который заранее поделил её год, — говорю я.

— Тогда вы можете не приезжать.

— Лада должна приехать, — возражает Рашид.

Отец замолкает снова, на этот раз дольше.

— Зачем?

— Она подала на развод в России.

— Я знаю.

Заявление приняли чуть больше часа назад, а шейх Халид уже знает. Страны разные, канцелярия одна на всех.

— Наш брак зарегистрирован и в Аль-Нуре, — продолжает Рашид. — Российского решения недостаточно, чтобы изменить запись в семейном реестре.

Ольга поднимает ладонь.

— Решения ещё нет. Мы сегодня только подали заявление.

— Поэтому в четверг Лада может лично обратиться в Семейную палату, — говорит Рашид. — Производства пойдут одновременно.

— Семейная палата в четверг не принимает частные прошения, — отрезает отец.

— Примет.

Впервые они говорят не как отец и сын. Рашид не громче — просто не оставляет места для отказа.

— Ты собираешься привезти жену во дворец, чтобы она потребовала развода накануне твоего семейного совета?

— Нет, — отвечаю я. — Во дворец я не поеду.

Рашид вскидывает глаза.

— Я не имел в виду...

— А я имею. Если для развода в вашей стране нужно моё присутствие, я прилечу. Не ради совета и не ради официального представления Миры.

— Без неё ваше прошение о месте проживания ребёнка не рассмотрят, — говорит отец.

— Никакого прошения о её проживании не будет.

— Тогда зачем вы повезёте Амиру?

Я ещё не сказала, что повезу её. Но не оставлю Миру в Москве, пока спорю с её отцом и дедом в стране, где один документ меняет значение другого.

— Потому что она моя дочь и поедет со мной, — отвечаю я. — Но в семейном совете участвовать не будет.

— Лада, в четверг её должны увидеть...

— Тогда в четверг вы её не увидите.

Отец медленно перечисляет по-арабски: жена наследника не живёт в гостинице, дочь не въезжает без семейной охраны, русский адвокат не входит в Палату, а паспорта до конца визита хранит протокол.

Я жду, пока он закончит.

— Вот мои условия. Мы с Мирой летим обычным рейсом, отдельно от Рашида. Из взрослых со мной только Ольга. Живём в выбранной нами гостинице, охрана остаётся снаружи. Оба паспорта Миры всё время у меня. В Палату я войду с адвокатом — или не войду вообще.

— Российский адвокат не имеет статуса в нашем суде.

— Ей не нужен ваш статус, чтобы сидеть рядом со мной.

— Это неуважение к стране вашего мужа.

— Ваш сын только что назвал меня женой, когда понадобилось оставить мой паспорт у протокола. Для всего остального я почему-то женщина, которую можно не приглашать.

— Отец, — вмешивается Рашид.

— Не сейчас. Я ещё не закончила.

Он замолкает. Ольга кладёт ручку на стол, пряча улыбку.

— Мы заранее покупаем обратные билеты, — продолжаю я. — Миру ни на минуту не уводят без меня. Никаких подписей, фотографий, официальных представлений и разговоров с семейным советом. Я подаю прошение о разводе, Ольга получает заверенную копию, и мы возвращаемся в Москву.

— Вы приехали в мою семью восемь лет назад без условий, — говорит шейх Халид.

— Поэтому сейчас их так много.

Рашид смотрит на зачёркнутые строки, затем берёт телефон со стола.

— Я принимаю.

— Я говорил не с тобой.

— А условия касаются моей жены и дочери.

— Твоя жена подала на тебя в суд.

— Поэтому я больше не решаю за неё.

Ольга перестаёт улыбаться. Восемь лет я ждала не дома и не признания перед камерами, а чтобы Рашид хотя бы однажды не решил за меня, как будет лучше. Он произносит нужную фразу в день, когда я начинаю развод в двух странах.

В трубке раздаётся короткий удар. Будто отец положил ладонь на стол.

— Вернись сегодня, Рашид.

— Вылечу вечером.

— Один.

Рашид смотрит на меня, потом на документы.

— Один.

Отец отключается.

На экране остаётся длительность разговора — четырнадцать минут. В них уместились полгода Миры и мой второй развод с тем же мужчиной.

Ольга забирает договор и обводит зачёркнутый пункт.

— Это пока рисунок ручкой, а не изменение документа.

— К вечеру будет новый проект, — отвечает Рашид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.